

# **СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА**

Вып. XXVI

**СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ**  
(География, этнография, история)

**К н и г а 3**

Москва  
Главная редакция восточной литературы  
1989

---

**А. Л. Грюнберг**

**В АФГАНСКОМ БАДАХШАНЕ**  
(страницы из дневника)

...Внизу не увидишь, как ни тянись,  
За всю свою счастливую жизнь  
Десятой доли таких красот и чудес.

*Владимир Высоцкий*

*1 августа 1967 г.* Мы стоим лагерем недалеко от большого селения Бахарак. Мы — это золотопоисковая партия министерства горных дел и промышленности королевства Афганистан. Нас, советских, в ее составе всего четверо — технорук партии, два техника-геолога и я — переводчик. Весь прочий персонал партии, в том числе и ее начальник, — афганцы.

Это мой пятый полевой сезон в Афганистане и третий — в афганском Бадахшане. Два первых сезона (1963—1964 гг.) я провел в Нуристане, к югу от Гиндукуша.

Мы ищем золото. Оно есть здесь, в Бадахшане, повсюду. Если взять немного песка в прибрежной отмели и промыть его в лотке — круглом бадахшанском или прямоугольном сибирском — по всем правилам, сначала отмучив глину на небыстром течении, а потом долго качая и встряхивая лоток в тихой заводи так, чтобы вода унесла из него все легкое, то в тяжелом черном остатке — шлихе почти всегда блеснут одна-две искорки.

Но нам нужно, чтобы золота было много, — мы ищем месторождение. И вот мы ездим и ходим по Бадахшану, моем шлихи, расспрашиваем местных старателей, пытаюсь найти россыпь — такое место, где скопилось золото из разрушавшихся десятками тысяч лет кварцевых жил. Такое золото в жилах (его называют коренным) тоже есть в Бадахшане, увы, тоже немного.

Кажется, на след россыпи нам удалось напасть весной в небольшом ущелье Нураба, в Каттагане, в нескольких километрах от афгано-советской границы.

Сначала и там нам не везло: мелкие крупички золота в шлихах, отобранных из почти сухого русла, как и всюду в Бадахшане, не вселяли в нас особых надежд. Все было так же, как в других местах, удивляло только необычно большое число старателей в окрестных селениях да сохранившееся в архиве министерства в Кабуле упоминание о поисках золота, которые ве-

лись здесь в начале тридцатых годов и дали обнадеживающие результаты.

День шел за днем, а золота в пробах не становилось больше. И тогда мы решили привлечь на помощь геологии этнографию. Мы договорились с начальником нашей партии о том, что он пригласит в нашу партию местных старателей, заплатит им двойную плату за те дни, что они будут у нас работать, и оставит у них все золото, которое они за это время намоют. Единственное, что от них требовалось, так это то, чтобы они разрешили нам ходить за ними следом.

Через день утром, выйдя из палаток, мы увидели, как к нашему лагерю направляются сверху по долине двое стариков, гоня перед собой навьюченного ослика. Это и были заказанные нами старатели. С интересом смотрели мы на то, как они сгружают с ослика свои приспособления — небольшие волосяные коврики, выдолбленные тыквы-горлянки, срезанные наполовину и насаженные на палки, заостренные тростниковые палочки и короткие тростниковые трубочки, срезанные так, что с одного торца они открыты, а другой торец совпадает с утолщением на стебле, образуя дно миниатюрного стаканчика.

Назначение всех этих вещей нам было пока неясно. Наше любопытство и азарт были так велики, что мы попросили одного из наших новых знакомых, крепкого старика с седой бородой и лукавыми, живыми глазами, непрерывно сыпавшего веселыми прибаутками, немедленно пойти мыть золото. Все афганцы уважительно называли его «бобо» — дедушка, и мои товарищи-геологи сразу окрестили его Бобошей. Настоящего его имени мы так и не узнали.

Бобоша приказал нам взять с собой ведро и лопату, и мы отправились, но совсем не туда, где мы обычно брали пробы в основной долине, а в один из маленьких боковых каньончиков, пропиленных дождевой водой в рыхлых конгломератах. Сейчас там было почти совсем сухо, только по дну струился узкий ручеек.

По одному ему известным приметам Бобо нашел подходящее место. Мы остановились и стали наблюдать. С крестьянской неторопливостью, продолжая веселить публику незатейливыми шутками, Бобо начал приготовления к священнодействию.

Сначала он выкопал неглубокую ямку рядом с ручейком и отвел туда воду, так что образовалась лужа. Потом над этой лужей на склоне выравнивал наклонную площадку и положил на нее волосяной коврик. У верхнего края наклонной площадки расчистил горизонтальную площадку пошире. Потом наполнил ведро землей, выкопанной возле ручейка, высыпал ее на горизонтальную площадку. Взял палку с выдолбленной тыквой — черпак, уселся рядом с ковриком. Начал зачерпывать воду в луже и осторожно лить ее сверху на кучу земли, сваленной на площадке, так, чтобы вода вместе с землей стекала по коврику. Время от времени он внимательно вглядывался в коврик.

Мы сгрудились возле Бобо и тоже впились глазами в коврик. Через некоторое время на коврике блеснула золотинка. Бобо вынул из кармана своей ветхой жилетки заостренную палочку, подцепил ею золотинку и отправил ее в стаканчик.

Продолжая промывать землю, Бобо время от времени повторял это действие. Прошло полчаса, и он предложил нам полюбоваться на добычу. Вытряхнул золото на ладонь из стаканчика — и мы пришли в восторг.

Нет, золота там было совсем немного — едва ли грамм, но ведь три грамма на тонну — это уже промышленное содержание, а в ведре было от силы десять килограммов земли.

Бобо промыл еще одну порцию земли — золота оказалось меньше. Тогда он взял свой круглый лоток, положил в него коврик, наполнил лоток водой, тщательно прополоскал в ней коврик, а затем стал промывать оставшуюся в лотке глину, как промывают шлих. И опять в шлихе блеснуло несколько золотинок.

...Когда мы вернулись домой, был уже вечер. Допоздна в палатках не смолкали разговоры — геологи ломали себе голову над тем, почему золота мало в главной долине, а много в боковых притоках. Я же засыпал в этот вечер с сознанием удовлетворения от того, что вот и гуманитарные науки могут принести ощутимую практическую пользу.

Впрочем, через несколько дней в этом пришлось снова убедиться, когда я, увидев на карте название Заргаран, предложил сходить туда — ведь такое название (букв. «золотых дел мастера») не могло быть случайным — там когда-то либо добывали, либо обрабатывали золото.

В шлихах сразу пошло светлое золото и кроваво-красная киноварь. Скоро, правда, мы убедились, что для геологов здесь ничего интересного нет, но археологи пришли бы в восторг. Нам рассказали, как здесь находили старинные монеты с изображением человека в шляпе с широкими полями (вероятно, то были греко-бактрийские монеты), показали гладко обтесанный квадратный камень, найденный после очередного селя, — теперь он служил опорой для центрального столба в сельской мечети. И мы видели своими глазами землю, густо нашпигованную костями животных. Было ли это место жертвоприношений или место трапезы, не знаю. Ясно только, что когда-то здесь находились мастерские, в которых обрабатывали золото, — об этом свидетельствовала найденная нами в шлихах киноварь.

...Возле Бахарака сливаются три реки — Зардев, Вардудж и Кокча. Каждая из них бывает то прозрачной и чистой, когда вверх, в горах, солнце, то мутной, когда в высокогорье проходят дожди. Но Зардев запомнился мне пенным и синим, Вардудж — бурым, а Кокча — непостоянной и капризной.

Мы сейчас стоим на берегу Кокчи, возле самого селения. Кокча берет свое начало далеко на юге, там, где сливаются воды Мунджана и Анджумана, текущие из-под ледников Главно-

го хребта. А впадает она много ниже слияния с Зардевом и Вардуджем в Пяндж, совсем рядом с городищем Ай-Ханум. Теперь это хорошо известное место — французские археологи раскопали здесь древний греческий город.

Если подняться на высокий холм на берегу Вардуджа, рядом с Бахараком, то прямо в земле можно увидеть следы старых стен. Это тоже древнее городище. После сильных дождей жители Бахарака собирают здесь древние монеты и украшения из сердолика и халцедона. Говорят, что иногда попадаются и золотые вещи. Такое золото называется «тилои пухта» (букв. «готовое золото»), в отличие от «тилои хом» — природного, необработанного. Мест, где можно найти «тилои пухта», в Бадахшане много, но археологи здесь еще не были.

Бахарак — место хорошо мне знакомое. В прошлом году геологическая партия, в которой я работал, долго стояла в устье Зардева, в тенистом саду, принадлежащем бадахшанскому губернатору. А до этого мы жили в Файзабаде — столице Бадахшана, в гостинице на высокой скале, мысом вдающейся в русло Кокчи. Когда после дождей Кокча сильно вздувалась, наша скала превращалась в остров. Оттуда мы ходили и в ближние маршруты по окрестным горам, и в дальний многодневный маршрут на р. Шива, туда, где она причудливо извивается (меандрирует, как сказали бы геологи) среди ярко-зеленых высокогорных пастбищ, а на ее берегах группами по пять-шесть стоят летом черные шатры пуштунов-кочевников, похожие сверху на гигантских распластанных птиц.

За годы, что я провел в этой стране — солнечной и пестрой, суровой и разнообразной, я привык к ней так, что чувствую себя здесь почти как дома. Наверно, еще потому, что с кем бы ты здесь ни встречался, тебе всегда улыбаются с доброжелательством, чаще всего искренним...

Нам сообщили по радию, что через пару дней в лагерь из Кабула приедет наш главный инженер в сопровождении врача. Они оба направляются на месторождение лазурита Сари-Санг, расположенное в верховьях Кокчи. Главный инженер — чтобы ознакомиться с ходом работ на месторождении, врач — чтобы осмотреть рабочих. Я хочу попроситься поехать вместе с ними. Близится праздник — День независимости, все геологи приедут с поля в Кабул, но мне в Кабуле делать нечего — у меня там никого нет. А празднества я уже не раз видел. Может быть, мне удастся остаться на это время в Сари-Санге. А может быть, доведется исполнить и свою затаенную мечту — попасть в долину р. Мунджан. По моим сведениям, кроме Н. И. Вавилова и Д. Д. Букинича, прошедших через Мунджан в Нуристан в 1924 г., европейцев там никогда не было.

В прошлом году начальник партии по моей просьбе взял в Талукане рабочим одного мунджанца по имени Хоки. Его сделали помощником повара. Утром, после того как геологи расходились на маршруты, а обед было еще рано готовить, он при-

ходил ко мне в палатку и я учился у него мунджанскому языку. Удалось записать у него много интересных рассказов о Мунджане. Конечно, они будут ценнее, если мне удастся посмотреть Мунджан собственными глазами. Может быть, удастся сделать еще записи. Пока это, впрочем, только надежды, посмотрим, что из этого получится.

*3 августа.* Как ни странно, начальство довольно легко согласилось с моим проектом. Начальник и врач пробудут в Сари-Санге два-три дня, а я на все праздники останусь на месторождении. К концу августа за мной пришлют в Файзабад машину из нашей партии, и я через Кешм, Талукан, Ходжагар и Чайаб поеду в долину речушки Нураба. Там мы будем работать всю осень.

Отъезд из Бахаракана намечаем на 6 августа.

*6 августа.* Утром выезжаем на «советском джипе» (так здесь называют ГАЗ-69) вверх по долине Кокчи. Первое большое селение на нашем пути — Джурм. Узкая извилистая главная улица, по которой наша машина протискивается с трудом. Вся улица — ряд лавок. На ночь и днем, если хозяина нет, лавки закрываются деревянными ставнями. В лавках нехитрый товар: дешевые пакистанские сигареты в ярких обертках, горох, мыло. И, как нам говорят наши афганские спутники, опиум, но это уже не в лавках, а в чайных. Они именуются здесь «самоварчи», так же как называются их хозяева.

...От Джурма дорога идет дальше вверх по долине Кокчи. Река течет здесь в глубоком каньоне с отвесными стенами, а дорога проходит выше, по склону долины, сначала по левому, а потом по правому, через мост. Мост как мост — таких в Афганистане сотни. По ним ездят и легкие джипы и тяжелые «интернейшенэлы». И все-таки каждый раз выезжать на него страшно: уж очень непохож он на наши железобетонные или стальные сооружения. Весь из дерева, пустоты засыпаны крупным щебнем. Как он выдерживает груженую автомашину, непонятно.

Справа шумит в каньоне мутная Кокча. Дорога петляет, подъемы, спуски, повороты такие крутые, что кажется, будто мы подъезжаем к тупику... То и дело шофер включает демультипликатор, и двигатель начинает надсадно гудеть.

...Каньон остается позади. Мы едем по довольно широкой долине, справа и слева — горы, не особенно высокие, серые и черные. А в боковых долинах все чаще видны обкатанные белоснежные валуны — белый мрамор. Далеко-далеко впереди — зубчатая стена гор с белыми прожилками снега. Это, вероятно, Главный хребет.

К вечеру приезжаем в Хазрати-Саид. Здесь кончается автомобильная дорога, и дальше нам придется либо ехать верхом, либо идти пешком. От Хазрати-Саида день пути до Сари-Санга.

*7 августа.* Утро в Хазрати-Саиде посвящено осмотру святилища — гробницы Насири Хосрова. Белые строения, почти не-

приметные за густой листвой, стоят на высоком берегу Кокчи, выше кишлака. Строения огорожены глинобитным забором.

Входим в «главное здание». Небольшое помещение, разделенное на две неравные части деревянной невысокой (до пояса) перегородкой. За перегородкой, в большей части помещения, две могилы, нечто вроде саркофагов. Все деревянные части помещения покрыты грубоватым цветным орнаментом. Одна из могил, по преданию, и есть могила Насири Хосрова. Нам показывают Коран, якобы принадлежавший ему.

Выходим из святилища на дворик. Под навесом стоит огромный котел. Нам объясняют, что в дни, когда у могилы особенно много паломников, они готовят себе в нем пищу.

Часов около одиннадцати отправляемся в путь. Нам дают лошадей, с нами вместе в Сари-Санг идут их хозяева.

Переходим через устье бокового притока Кокчи, что-то вроде болотца. Дальше тропа идет над правым берегом, вокруг холмы со сглаженными очертаниями, горы поодаль. Я несколько разочарован, мне хочется скал и ущелий.

Тропа вместе с рекой поворачивает налево, мы поднимаемся наверх на холм, и тут внезапно все резко меняется. Перед нами грандиозный вид. Узкая теснина Юмгана, склоны, погруженные в осыпи из белого мрамора и черных сланцев, внизу — Кокча, здесь она уже синяя и белая от пены, а на горизонте под ярким солнцем на фоне синего неба сияют три гигантских снежных пика. Наши спутники говорят нам, что там и есть Сари-Санг.

Мы спускаемся к берегу реки, останавливаемся на отдых. Угощаем наших спутников, они угощают нас. Запиваем лепешки ледяной водой из ревущей рядом Кокчи.

Потом снова садимся верхом. Начинается главная часть пути. Нам предстоит пройти через шесть перевалов по правому берегу реки — прямо по долине сквозного пути нет. Каждый из перевалов не так уж и высок, шестьсот-семьсот метров по превышению, но ведь их шесть!

Начинаем штурмовать первый. Сначала едем верхом, но, когда тропа становится круче, а больших камней на дороге больше, владельцы лошадей просят нас спешиться — жалко лошадей. Не дают они нам сесть обратно и на спуске — лошадям трудно идти вниз. Таким образом, большую часть пути мы идем пешком.

Через два-три часа останавливаемся на отдых на полянке возле реки, рядом с зарослями ивняка.

И снова на очередной штурм. Усталости все прибавляется, но с каждого из перевалов открываются все новые виды, и душу не покидает ликующая радость и ощущение полноты жизни. И все время манят нас к себе три сияющих гиганта вдали, которые, кажется, так и не становятся ближе.

...Спускаемся с последнего перевала, дальше идет относительно ровная тропа. Маленький кишлачок — всего несколько

домов. Это Рабат. Здесь живут еще таджики. Я думаю: что заставило этих людей поселиться и жить здесь, так далеко от всех, где за любой мелочью надо ходить через перевалы? Думаю этим соображением со спутниками, они высказывают предположение, что здесь, наверное, не обходится без подпольной торговли лазуритом. Может быть, это и так — кишлак не производит жалкого впечатления, скудная местная природа, пожалуй, так прокормить не может.

Слева — большое боковое ущелье Дарайи-Зу. В скале над устьем расположено черное отверстие — устье штольни. Это древняя выработка, как мне объясняет геолог-афганец, сейчас здесь добыча лазурита не ведется.

Следующее ущелье — это Сари-Санг. Ущелье завалено глыбами белого мрамора, вдаль — снежный гигант, один из тех, что большую часть пути мы видели впереди. Вероятно, это именно тот, чья высота — 6843 метра, как видно из карты. Собственно, настоящих карт этого района еще не существует, и картой мы называем эскиз, сделанный американцами по аэрофотоснимкам, который нам выдали в министерстве. Две другие вершины — тоже шеститысячники. Путь к их подножию идет через Дарайи-Сахи — ущелье, параллельное долине Кокчи в этом месте. Сейчас все эти три вершины находятся слева от нас. А вокруг — десятки пятидесятичников, и многие из них выше Эльбруса.

Вот мы и на месторождении. Несколько домиков на конусе выноса в устье Сари-Санга — это контора и жилье для административного персонала. Поодаль, в зарослях ивняка, — лагучи для рабочих. Сами штольни — высоко над поселком, туда ведет тропа, вверх метров четырехста. Снизу видны черные точки — устья штолен.

На месторождении нас встречает все начальство. Начальника партии нет, он в Кабуле, его замещает мой старый знакомый, чиновник министерства горных дел Карим Мисак. У нас уже давно с ним товарищеские отношения, я понял, что он придерживается левых взглядов. Он познакомил меня с начальником библиотеки министерства Исмаилом Данешем, молодым инженером, получившим образование в США. Карим представил мне его как человека весьма прогрессивных взглядов.

Нам представляют также начальника охраны месторождения и кладовщика (это тоже важная персона) — приземистого, толстого, как все тавильдары (кладовщик, материально ответственное лицо, при поступлении на работу вносил большой денежный залог).

Мы очень устали и после ужина сразу ложимся спать.

8 августа. Мы поднимаемся на штольни. Туда ведет трудная тропа, местами приходится ползти над обрывом по оврингам. В штольнях — тьма, только постепенно глаза привыкают, и мы при свете гейсов — керосинокалильных фонарей видим черные от многовековой копоти стены.



В старину, чтобы добыть лазурит, под скалой разводили костры, а потом на нагретую скалу лили холодную воду. Куски скалы трескались, отваливались, и из них выбирали лазурит.

Теперь в штольнях стоят деревянные подмости, на них стоят рабочие и по двое долбят длинными железными ломами отверстия — шпуры в скале. За день двое рабочих успевают выдолбить один шпур. Потом в шпуры закладывают взрывчатку — аммонал, все уходит, ворота штольни запирают и подрывают заряды снаружи взрывной машинкой. Лазурит выбирают на следующий день утром. Но прежде, чем пустить в штольню рабочих, внимательно осматривают землю — не осталось ли на пыли, которая садится после взрыва, чьих-нибудь следов. Если следы есть, то начинается расследование. За кражу лазурита ждет суровая кара: тюрьма, может быть на годы.

Лазурит встречается гнездами в зонах доломитизированного мрамора. Гнезда эти по-персидски называются «гул» («цветок»). Товарный лазурит делится на пять сортов в зависимости от наличия примесей — пирита и вмещающей породы. Высший сорт должен быть густого, интенсивно-синего цвета, без всяких примесей. Несортная порода с включениями лазурита называется «санги сохтмони» («строительный камень»). Вывозить его при отсутствии дороги невыгодно, и он большими кучами рыхлых обломков накапливается на месторождении — в свалах около штолен.

На одной из штолен я, к своему удивлению, вижу компрессор. Кажется непостижимым, как удалось затащить его на месторождение, через перевалы и по трудным тропам. Спрашиваю об этом нашего специалиста, он говорит, что тащили его долго и в разобранном виде, но так или иначе одна рама — она не разбирается и весит несколько сот килограммов — доставила массу хлопот. Сейчас компрессор неисправен.

На этой же штольне встречаю среди рабочих своего старого друга, помощника и учителя мунджанского языка — Хоки. Обоюдная радость, теплые приветствия.

*9 августа.* Доктор по согласованию с начальством устраивает медосмотр рабочих. Перед нами проходит вереница истощенных, больных людей.

Особенно мне запомнился один из них. Бледный, худой, с воспаленными глазами. Зрачки расширены и постоянно дрожат. Это нистагм, как мне объясняет доктор. Голос тонкий, тихий, покорный, на лице выражение безучастия. На вид подросток, на самом деле ему 20 лет. Особенно страшно смотреть на него, когда он снимает лохмотья. Тонкие, высохшие руки, узкая, впалая грудная клетка. Уже три года, как он курит опиум.

А вот и просто больной. Тоже, конечно, наркоман, но не такой заядлый. На левом бедре огромный след какой-то язвы. Левая нога плохо слушается, непрерывно дрожит крупной дрожью. Доктор говорит, что нужна операция. Кто и где может сделать операцию калеке, едва зарабатывающему на

жизнь? Ведь операция стоит не меньше двух тысяч афгани, да и ехать надо в Кабул. А денег еле-еле хватает на то, чтобы не умереть с голоду. Два раза в день лепешки, которые рабочие пекут сами после утомительной работы. Это все. Живут рабочие в сложенных из камня лачугах, в которых даже нельзя выпрямиться, без окон, с дверью-лазом, в который можно пройти только сильно согнувшись.

Опиум — страшное бедствие и бич Мунджана, как и соседних высокогорных областей — Вахан, Ишкашим, Зебак, Шугнан. Один туль (мелкая мера веса, несколько граммов) зелья стоит 80 афгани, а его привычному курильщику хватает на два дня. Завязитые курильщики курят два раза — утром и вечером.

В самом Мунджане туль опиума, как говорят, стоит 120 афгани. За день труда в темной штольне рабочий получает 20 афгани.

Чтобы купить опиум, курильщики продают все: скот, дом, землю. У некоторых из них совершенно ничего нет, но и те гроши, которые они получают за каторжно тяжелый труд в штольне, уйдут на опиум. Я вспоминаю одного из курильщиков, которого мы взяли на работу в Бахараке, ваханца по имени Ширинхан. Тщедушный, хромо́й человек неопределенного возраста, в лохмотьях, с заметным зобом (эта болезнь — второй бич здешнего высокогорья). На лице постоянно жалкая улыбка, вид приниженный и забитый. Глаза добрые, голубые, но затянуты мутной пеленой. Только прием дозы опиума заставляет его на время ожить — все остальное время он либо спит, либо находится в состоянии прострации.

Из-за опиума он бросил жену и двоих сыновей и без копейки отправился из Вахана в Бахарак, чтобы достать зелья. Заплатить шоферу за дорогу было нечем, и он отдал в залог свое тазкире — удостоверение личности. Он готов работать за нищенскую плату — 15 афгани в день, — лишь бы купить себе опиум. Но кому нужен такой работник — хромо́й, полуживой человек?

Он рассказывает о своей жизни. Курит опиум он уже 30 лет, давно продал все, что у него было. Несколько раз хотел повеситься, но и на это воли не хватает. Так и живет, голодая и скитаясь в поисках случайной работы. Очень его жаль, но ума не приложу, чем ему можно помочь. На все уговоры бросить опиум он отвечает: «Я не могу, если бы я мог, я бы бросил».

Откуда же опиум? Ведь в Афганистане он официально запрещен. Более того, Афганистан получает от ООН значительные суммы на борьбу с наркотиками.

...Но каждую весну вокруг Джурма и Файзабада, в Зардеве в боковых ущельях расцветают поля, упрятанные от нескромных взоров, зловещего бело-фиолетового цветка. Запрет запретом, но если дать властям хорошую взятку, то и запрещенное становится дозволенным. Зато королевские власти бдительно следят за тем, чтобы сами мунджанцы не засеяли у себя в до-

лине ни клочка земли опийным маком, угрожая за это всевозможными карами. Нищим и оборванным мунджанцам откупиться нечем.

Мне приходилось много читать о лицемерии ханжей и о безжалостности святош, но только здесь эти абстрактные пороки я увидел материализованными. Сколько в Бадахшане упитанных, лоснящихся «уважаемых людей», самодовольно повествующих вам о том, как они совершили хаджж! Ныне это не дешевое дело — в Мекку летят на самолете, да и на дорогу расходов много. А ведь деньги на хаджж нередко собраны от продажи опиума. Сами эти люди, конечно, опиум не курят. Ни одному из них не придет в голову отдать хотя бы небольшую часть своих денег, чтобы спасти десятки, а то и сотни людей, несмотря на то что ислам счел бы это богоугодным делом, а они клянутся исламом на каждом шагу.

*10 августа.* Сегодня в 6 часов утра ушли вниз начальник и доктор. Вскоре после их ухода Карим обращается ко мне с просьбой помочь ему в изучении русского языка. Он, правда, и так неплохо говорит по-русски, но хочет еще усовершенствоваться. Разумеется, я соглашаюсь. Но у меня нет никаких пособий: ни книг, ни газет. Я говорю об этом Кариму, а он отвечает мне, что у него книга есть. И приносит «Очерки политэкономии капитализма». Я говорю ему, что это не лучшее пособие для изучения русского языка, не все будет ему понятно, но он настаивает на своем, и я уступаю.

Мы начинаем заниматься, и очень скоро я понимаю, что предмет наших занятий не столько русский язык, сколько политэкономия. Я говорю об этом Кариму, а он со мной соглашается. Он рассказывает мне о Народно-демократической партии Афганистана, о ее учредительном съезде, о расколе на «Хальк» и «Парчам».

Я не скрываю своего удивления — мне кажется, что заниматься революционной подпольной деятельностью в Афганистане не только опасно, но и очень сложно — народ не подготовлен к восприятию новых идей и находится в плену традиционных представлений о добре и зле. Рабочих очень мало, а крестьяне едва ли понимают такую пропаганду правильно. Карим не спорит со мной, я чувствую, что эти мысли и ему приходили в голову.

Я спрашиваю его, как он относится к моей идее сходить на праздничные дни в Мунджан. Он говорит, что охотно пойдет со мной вместе, в частности чтобы провести разъяснительную работу с населением Мунджана — это его партийное поручение. Я еще раз говорю ему о том, как надо быть осторожным в разговорах с крестьянами, тем более с крестьянами-исмаилитами столь отдаленной горной области. Во всяком случае, их психологию надо все время иметь в виду и не забегать вперед, соблюдая достаточную осмотрительность. Кое в чем мне удается его убедить.

*11—15 августа.* Мы продолжаем ежедневно заниматься с Каримом русским языком и вообще проводим много времени за разговорами. Кажется, это не очень нравится полицейскому — начальнику охраны. Несколько раз он приходит к нам, когда мы читаем книгу, и пытается вызвать нас на откровенные беседы, но Карим отвечает односложно и сухо. Посидев некоторое время в комнате, начальник уходит.

*16 августа.* Проездом к нам пожаловал волостной начальник из Курана. Он был в Файзабаде и теперь отправляется обратно в Сэквоу. Мы с Каримом говорим ему о нашем намерении посетить Мунджан, он как будто не против, но говорит, что должен нам дать солдат для охраны. Мы обещаем зайти к нему по дороге.

*17 августа.* Месторождение довольно сильно охраняется. Начальнику охраны подчинено два десятка солдат, которые, как я понимаю, несут вахту днем и ночью. Возле некоторых штолен есть посты-секреты. Все, кто выходит с месторождения, подлежат обыску. И тем не менее лазурит с месторождения утекает.

Вот и сегодня, открывая утром штольню, обнаружили чьи-то следы на слое пыли, осевшей после взрыва. Поэтому и рабочие и солдаты под подозрением. Солдат всех выстроили и заставили снять сапоги, чтобы проверить, не прячут ли они там лазурит. То же самое собираются сделать и с рабочими.

Надо думать, что простая кража из штольни пары маленьких кусочков — это не главный источник потерь лазурита. Утекает он, наверное, и со склада. Так или иначе, разговоров о контрабанде лазурита на юг — через Анджуман и Панджшир и на север — через Джурм и Файзабад приходилось слышать в Кабуле немало.

*18 августа.* Запас сигарет, принесенный снизу, кончается, и полдня я сижу без курева. Но вот нам сообщают, что сверху к месторождению движутся двое людей и лошадь. Карим идет вниз, к мосту, чтобы узнать, кто это такие. Выясняется, что это японцы — альпинисты из Хиросимы. Мы приглашаем их выпить чаю и поесть вместе с нами. Они соглашаются. Беседа не клеится — они плохо знают английский язык, а персидского не знают вовсе. Вскоре японцы прощаются и уходят, оставив нам в благодарность за гостеприимство блок дешевых пакистанских сигарет «О'кей».

*19 августа.* Приходит большая группа итальянских альпинистов — все черные, бородатые, в красных свитерах. В Дарайи-Сахи они совершали восхождение на шеститысячник, теперь возвращаются обратно. Из разговора с ними я понимаю, что это дилетанты, разношерстная публика, различных профессий и из разных городов. Большинство, проведя на месторождении час-другой, уходят вниз, а трое остаются. Заметив, что я пользуюсь особым доверием на руднике, они просят замолвить перед Каримом словечко, чтобы он разрешил им сходить в

в штольни. Я говорю об этом Кариму, сначала он не соглашается, но потом все же удается его уломать. Мы идем вверх, и по дороге они дают нам какие-то красные полупрозрачные пилюли. Они объясняют, что это не то стимуляторы, не то сосудорасширяющие средства, которые помогают при сильной нагрузке, в частности когда идешь в гору.

Возвращаемся, пьем чай. Разговариваем на забавном франко-итальянском жаргоне (один из них умеет говорить по-французски). Наиболее активен старший из троих, банковский служащий из Рима. Разговор заходит о вере в бога. Жестикულიруя по-итальянски, он рассказывает, что ему часто приходится работать в больницах — это его христианский долг, и он убежден, что верующие выздоравливают быстрее, чем неверующие. Я говорю ему, что я не верю ни во что сверхъестественное, но согласен, что человеку нужна вера, например вера в добро и необходимость соблюдения нравственных правил. «Так чем же вы тогда отличаетесь от меня?» — спрашивает он. Я молчу, мне не хочется увязать в споре.

Мы фотографируемся на память, итальянцы прощаются и уходят, банковский служащий кричит мне на прощание: «До встречи на мессе в ближайшее воскресенье!»

После шумного визита снова становится тихо, и мы идем заниматься русским языком.

20—21 августа. Все эти дни Карим время от времени присылает ко мне кого-нибудь из мунджанцев. Я записываю рассказы об их жизни, сказки, все, что они сами хотят мне рассказать. Сегодня приходил Хоки и рассказал такую историю.

«Дело было в Имам-Саибе. Четыре вора забрались ночью к одному человеку в дом и украли у него деньги — 70 тысяч. Когда они уже уходили, хозяин проснулся и бросился за ними. Началась драка, он ранил одного из воров, они ударили его топором и убили. Наутро жена убитого известила власти, прибыли хаким и полицейский, осмотрели место убийства и направились по следам крови на траве. Следы привели их в соседнее селение, там они разыскали раненного вора и вывели, сколько у него было сообщников. Тот сказал, что их было пятеро, и назвал имена.

Их привели в полицейское управление, полицейский начальник начал их бить палками. Двое признались, а трое не признавались. Полицейский так бил их, что они чуть богу душу не отдали. И все-таки ни в чем не сознались. Тогда полицейский говорит: „Сознавайтесь, если не сознаетесь, я вас палками забью до смерти“. А воры говорят: „Хоть бы нас и на виселицу вздернули, мы все равно никого не убивали“. Тогда полицейский решил их пытать кипящим маслом. Связали им ступни и стали сверху лить кипящее масло, ступни у них начали гореть. Полицейский говорит: „Сознавайтесь, а то сожгу“. А они не сознаются. Тогда полицейский стал грозить, что обмажет им голову тестом и будет лить сверху масло. А они говорят: „Уми-

рать — только один раз, другого не будет“. И тогда полицейский велел одного из них большим гвоздем прибить за ухо к дереву. Так он простоял там целый день, а потом полицейский велел отвести его в тюрьму. Но тот человек не дал солдатам вынуть гвоздь, а сам дернул ухом, разорвал себе ухо и сам пошел в тюрьму.

А потом тех, кто признался, приговорили к пожизненному заключению, а тем, кто не признался, дали по десять лет тюрьмы».

Эта пытка называется «тильдог» (тиль — масло; дог — кипящий).

Я записываю рассказ и вспоминаю, как совсем недавно в Бахараке наказывали нашего повара: связали ему ноги, положили так, чтобы ноги были задраны кверху, и били прутьями по пяткам.

Я спрашиваю у Карима, чем кончилась история с кражей лазурита. Он говорит, что ему удалось узнать, кто был в штольне — один из самых несчастных рабочих, но ходу он этому делу не дает, благо сейчас нет штатного начальника лазуритовой партии. Полицейский — начальник охраны был этим решением Карима недоволен, но как-то удалось уладить дело и с ним.

На 22 августа мы назначаем выход в Мунджан.

22 августа. В семь часов двадцать минут мы выступаем из Сари-Санга в Мунджан. Нас пятеро: Худойназар — крестьянин из Газа, земляк Хоки, Гулом-Маммад — крестьянин из Миенди, Хоки, Карим и я. С нами идут белая кляча и беременная ослица, на которую навьючены наши вещи. Эта ослица принадлежит одному из рабочих-мунджанцев с Сари-Санга.

Мы переходим мост, ведущий на левый берег, и направляемся вверх. Долина не узкая, местами совсем широкая, поросла кустарником.

В одиннадцать часов приходим в Парвара. Маленький кишлак — пять-шесть домиков. Можно предположить, что это один из центров контрабандной торговли лазуритом. Встречают нас несколько молодых парней и старик. Один из парней в нейлоновой куртке с молнией. Приветствует нас по-английски: «Хэлло!» Я отвечаю ему по-персидски. Нас угощают яичницей, как всегда поджаренной на огромном количестве масла, потом дают чай. Завязывается разговор. Мой проводник спрашивает об известном в этих местах ростовщике и богатее Гариб-Ахмаде из Анджумана. В ответ старик пускается в философские рассуждения о том, что в мире все так уж изначально устроено, что господь создал хищных птиц и их добычу, крупную рыбу и мелкую. Так уж от века заведено, и изменить тут ничего нельзя. А Гариб-Ахмад, по его мнению, хороший человек. Что один притесняет другого, то это вещь обычная, и спорить тут не о чем. Карим осторожно спрашивает об их отношении к забастовке учащихся в Файзабаде. Молодой красивый парнишка (он учится в Файзабаде) отвечает уклончиво, стараясь вся-

чески проявить свои верноподданнические чувства. Впрочем, говорит он, сейчас у нас демократия, и всякий волен делать все, что ему угодно, даже поехать в Россию и стать кафиром. Вероятно, это в мой адрес, но я, естественно, молчу.

Следуем дальше. Завожу с Хоки разговор о «мелкой и крупной рыбке». Хоки уходит от разговора, чувствуется, что говорить со мной искренне ему не хочется. Я думаю о том, как мы все-таки далеки друг от друга, хотя и провели столько времени вместе в самых трудных условиях. Мы — люди разных культур и даже разных эпох, и преодолеть этот барьер между нами не так-то просто.

Все идем пешком. Карим едет на белой кляче, которая плетется в хвосте. Наши вещи на ослице.

Вдоль правого берега — напротив, в черно-серых скалах выделяется белая полоса мрамора. Я думаю: может быть, и этот мрамор так же нашпигован лазуритом, как и тот, что на месторождении? Впрочем, это маловероятно, ибо местное население давно бы уже знало об этом.

Тропа идет вверх на небольшой перевальчик. С подъема видна огромная заводь и что-то вроде каменного завала. Вдали, впереди на склоне, расположен кишлак Разэр, где мы собираемся ночевать у слияния Анджумана и Мунджана. Отсюда кажется, что он совсем близко, но это обманчивое впечатление — идти до него еще долго.

На перевальчике встречаемся с неким панджширцем. Личность довольно темная: то ли контрабандист, то ли торговец опиумом. Рассказывает, как к ним приезжал кто-то из Паштунистана, долго говорил о свободе, о братстве, о том, что все, кто живет в Афганистане, — афганцы, независимо от того, на каком языке они говорят — таджикском, узбекском и т. д. Чувствуется, что рассказчик вовсе не сочувствует этим идеям.

Спускаемся с перевала и, хотя Разэр перед нами, даже немного налево, идем направо, к мосту; мост в районе Исказыра, в устьевой части Анджумана. Домов вообще не видно, только пятна зелени на каменной осыпи в устье ущелья. Переходим мост, широкий, но зыбкий, и идем налево по пойменному лугу. Уже начинает темнеть, когда приходим в Разэр. Здесь нас встречает бывший кладовщик лазуритовой партии и его отец-мулла. Дом у кладовщика не совсем достроен, но уже сейчас это роскошные хоромы. На окнах резные деревянные решетки, в доме, конечно, транзистор «Филиппс». У самого — противная, отявшающаяся морда типичного жулика и торговца. Папа-мулла — благообразный и разговорчивый, очень гордится своим сыном. Рассказывает нам, как его всюду уважают. Между тем мне-то совершенно ясно, что сын его — жулик и казнокрад. При зарплате 700 афгани в месяц (так говорит Карим) построить такой дворец невозможно.

Положение гостя обязывает, и мы безукоризненно вежливы; нас встречают очень хорошо. Угощение обильное: плов, курица,

мед, маст. Поев с аппетитом, заваливаемся спать. Нам с Каримом, перед которым вообще здесь очень заискивают, отводят отдельную комнату и выдают «Филиппс».

23 августа. Утром, попив чаю с медом, отправляемся в путь. Кладовщик из Разэра дал нам свою кобылу, упитанную и резвую, на нее садится Карим, он любит ездить на лошади. К нам присоединяется еще один рабочий. Он вез соль вверх, но по соглашению с кладовщиком соль остается в Разэре, а лошадь дается нам под груз.

Выезжаем на равнину. Слева — Дарайи-Сахи, видны снежные гиганты — шеститысячники.

Хоки отстает. Он заболел, чувствует себя очень плохо. У ручейка останавливаемся, я даю ему таблетку левомецетина, то, что у меня есть. Но у него что-то с печенью. Глаза желтые, рвет. Сажаем его на лошадь и двигаемся дальше.

Слева, на другом берегу реки, три группы домов в зелени. Одна из них Сэквоу — волостное управление. Тут есть брод, и я предлагаю Кариму перейти на другой берег, чтобы сообщить алакадару (волостному начальнику) о нашем походе, но Карим говорит, что это совсем необязательно, что это нас только задержит, дескать, мы ведь уже говорили с ним об этом, когда он приезжал в Сари-Санг.

Тропа идет вверх и постепенно становится едва заметной. Проходим по осыпи, уклон градусов сорок пять, если не больше. Местами прижимаемся к скалам, лошадь с грузом едва протискивается. Потом спуск к мосту. Отдыхаем у мостика. Хоки по-прежнему плохо, он все время ложится, подогнув ноги к животу. Временами его рвет желчью.

Мост — ветхое и шаткое сооружение, повисшее над белой от пены тесниной. Осторожно проводят по мосту лошадей. Потом иду я. В руке у меня палка. На середине моста, в самом шатком месте, палка застревает между досками моста. Длится это мгновение, но неприятно. Выдергиваю палку и пробегаю оставшуюся часть моста. Вид у меня, по-видимому, не особенно геройский, потому что мунджанцы улыбаются.

За мостом начинается подъем. Это, собственно, и есть перевал в Мунджан — по теснине пройти нельзя.

Хоки и Карим едут верхом, я плетусь сзади с палкой. Подъем крутой, и наша ослица совсем выбивается из сил.

Поднявшись на равнину-террасу, снимаем с ослицы груз и выючим на лошадь. Опять трогаемся в путь. Тут уже дорога хорошая, широкая, но все вверх и вверх. Река в глубоком каньоне остается справа. Хаотическое нагромождение черных камней, раскаленных полуденным солнцем. Во рту пересохло, горький вкус. Ноги болят и отказываются идти. Я отстаю. Карим уступает мне лошадь, и некоторое время я еду верхом. Ноги отдыхают, но хочется пить, а воды нет. Через полчаса я опять уступаю лошадь Кариму. У него вид совершенно измученный, он даже не может говорить.



Вдали видны грандиозные снежные вершины — Главный хребет Гиндукуша. Все вверх и вверх, и наконец, добираемся до перевальной точки. И тут-то перед нами открывается потрясающий вид, вознаграждающий с лихвой за все трудности подъема, — устье долины Мунджана. Ровная широкая долина, пятнышки зелени и точки деревьев. А вокруг — снежные гиганты. Горы, горы... Внизу под нами поперечная долина с голубой ниткой воды. Это долина Тагау, через нее идет тропа на перевал в Санглад — предмет моей мечты: там и только там в трех небольших деревнях сохранился санглический язык.

Мунджан сверху так неопишимо прекрасен, что никак не верится, что эти нищие и больные люди, которых мы видели на руднике и которые нас сопровождают, живут здесь. Кажется, и жизнь здесь должна быть фантастически прекрасной.

Начинается спуск. Ноги болят, во рту сухо, горько и кисло от съеденных итальянских таблеток.

Спуск длинный и мучительный. Проходим по сухой равнине с остатками полей и руинами. Наши спутники говорят, что раньше здесь были селения, а теперь все заброшено. Сель, что ли, прошел.

Переходим мостик и спускаемся к воде Тагау. Отдых. Едим раздавленную картошку и куски засохшей лепешки. Пьем хрустальную ледяную воду.

Снимаю ботинки и опускаю ноги в воду. В обычных условиях не вытерпеть бы и минуты, но сейчас распухшие ноги со вздувшимися венами терпят долго. Становится легче.

Снова двигаемся в путь. Хоки немного лучше, он идет впереди. Я взгромождаюсь на лошадь, навьюченную спальными мешками, ноги болтаются у шеи. Лицо горит, губы потрескались.

Небольшой подъем, потом опять спуск, и перед нами Шорон — первое селение Мунджана и самое большое. Домов опять не видно: они спрятались за деревьями. Въезжаем, среди деревьев, прямо по улице, течет прозрачная вода — ручеек. И только сейчас, вблизи, среди нагромождения камней и заборов, сложенных из глыб, различаю маленькие белые неправильной формы лачуги. Слепые, без окон.

Останавливаемся под деревьями, на площади (если так можно назвать небольшую лужайку) рядом с мечетью. В открытые ворота видны расписные деревянные колонны. Мунджанцы утверждают, что их количество самопроизвольно меняется — их бывает то тридцать девять, то сорок. Вообще же мечеть в исмаилитском Мунджане явление, по-видимому, новое.

Хоки валится на землю и лежит, не поднимая головы.

Население не в восторге от нашего визита. Постепенно, однако, люди собираются, один из них — что-то вроде местного бая. Приносят палас, и Карим начинает свои обращенные к крестьянам пропагандистские речи. Но делает он это неумело, и мужички слушают его вяло. Аудитория явно не подготовлена

к восприятию столь крамольных речей, хотя мне и удалось убедить Карима обходиться без крайностей — не посягать хотя бы на ислам и на царственную особу.

Хоки, который за это время пришел в себя, напоминает нам, что пора двигаться дальше, ведь неизвестно, где мы будем ночевать.

Едем по равнине, вдоль берега Мунджана. Слева, вдалеке, у подножия гор, раскинулось селение Дашкь, мы проезжаем мимо.

Вскоре приезжаем в селение Лэвоонт. Каменные хижины лепятся на скалах. Нам отводят место в хижине для приезжих — местном «отеле». Мунджанцы рассказывают нам о своей долине, переговариваясь между собой на своем певучем, звучном языке.

*24 августа.* Утром уходим в Газ. По дороге нам приходится вброд на лошадях переходить Мунджан. Место здесь, по-видимому, не вполне безопасное для перехода, течение быстрое, брод. Хоки обстоятельно инструктирует меня, как себя вести в случае, если лошадь откажется повиноваться.

Приходим в Газ, в дом Хоки. Я внимательно расспрашиваю, как называются различные части дома — нары, очаг, столбы и т. п. Это — типичное жилище памирского типа, со световым отверстием в крыше. Пытаюсь проникнуть в кладовку, но мне под разными предлогами не дают это сделать — посторонних туда не допускают. Спрашиваю Хоки, где вещи, которые я ему подарил в прошлом году. Он говорит, что все забрал исмаилитский халифа (староста, низший ранг в исмаилитской иерархии). «А зачем же ты ему их отдал?» — наивно спрашиваю я. Естественно, что четкого ответа на свой вопрос я не получаю.

*25 августа.* Утро начинается с того, что Хоки объявляет, что ему надо уйти снова вниз, в левобережное селение Гумонд, там у него неотложные дела. Я пытаюсь его уговорить остаться с нами, но мне это не удается.

Он уходит, а мунджанцы, наши новые знакомые, устраивают сеанс курения опиума и приглашают нас на нем присутствовать. Любопытство не позволяет нам отказаться. Курильщики — всего человек шесть — ложатся в круг так, что каждый кладет голову на бедро соседу. Приносят таганчик с коптилкой и трубку для курения. Наш новый знакомый — рослый крестьянин средних лет с сизым носом — выполняет обязанности «распорядителя». Он держит конец трубки над таганчиком, комочек опиума, которым закупорена дырочка в бочкообразной коробочке на конце трубки, начинает плавиться и дымиться. Помещение наполняется характерным и, надо сказать, довольно приятным запахом. Сделав две глубокие затяжки, он передает трубку первому из лежащих, тот затягивается и отдает следующему по кругу. Время от времени «распорядитель» снова разогревает трубку...

Сеанс отнял немного времени — едва ли больше двадцати минут. Все выходят на улицу. Я замечаю, что нос нашего «рас-

порядителя» стал еще более сизым, а прочие выглядят гораздо более оживленными, чем перед сеансом. Все расходятся по своим делам.

Сказывается накопившаяся усталость, и меня начинает клонить в сон. Я укладываюсь на суфе и мгновенно засыпаю сладким сном без сновидений, так сладко спят только в детстве.

Просыпаюсь через час-полтора хорошо отдохнувшим. Вытаскиваю магнитофон, который производит большое впечатление на всех присутствующих. Записываю несколько рассказов.

Родственник Хоки, Джангуль, предлагает нам перейти в его дом. Насколько я понимаю, неприлично находиться в доме в отсутствие хозяина, тем более что других мужчин в этом доме нет.

Располагаемся в доме Джангуля. Положив вещи, мы с Каримом выходим на улицу и садимся у стены дома, обращенной к югу, греемся на солнце. Рядом со мной магнитофон. И тут мы видим, что сверху, с юга, к нам направляется какой-то всадник, который оказался полицейским. Он подъезжает к нам и начинает разговор с Каримом, считая, что я по-персидски не понимаю. Он приехал по поручению алакадара, который прислал выяснить, на каком основании мы без его разрешения прибыли в Мунджан и чем мы здесь занимаемся.

Карим сразу выходит из себя. Он достает маленькую книжечку (это «Конституция») и раздраженно объясняет полицейскому, что он по закону имеет право свободного передвижения по стране и никому не обязан давать по этому поводу отчет. Полицейский напуган: он понимает, что Карим — чиновник из Кабула и с ним лучше не связываться, но все-таки спрашивает: «А у этого иностранца разрешение есть?» Я молчу, а Карим говорит ему, что это наш советский гость, ученый, который знакомится с нашей страной, и что алакадар был обо всем заранее предупрежден.

Это действительно так, и меня тоже удивляет поведение алакадара. Возможно, впрочем, что он обиделся на нас за то, что мы не заехали в волостную управу по пути сюда. Я говорю об этом Кариму, а он машет рукой, дескать, не его ума это дело.

Полицейский удаляется.

**26 августа.** Ночь мы провели в доме Джангуля. Утром пошла с Каримом осмотреть селение, зашли в Иноуга, так называется одна из частей кишлака. Всюду одно и то же — груды камней, каменные заборы, сложенные из глыб без раствора, маленькие дома, обмазанные снаружи смесью глины с навозом и соломой.

Потом двигаемся дальше вверх. В следующем селении, Сарджангаль, останавливаемся на некоторое время, я достаю магнитофон. Собираются женщины. Они не испытывают никакого страха перед посторонними мужчинами, с удовольствием слушают записи песен, однако сами записаться отказываются.

В Сарджангале нам дают еще одну лошадь, и мы следуем дальше — в Миёнди. Тропа идет по берегу Мунджана, и я люблюсь тем, как в прозрачной воде ходит пятнистая форель. Странно, что мунджанцы (всегда голодные) так мало едят рыбы. Мне кажется, ее столько, что она могла бы прокормить всю долину.

Миёнди сильно отличается ото всех деревень, которые мы видели раньше в Мунджане. Во-первых, рядом с деревней простирается огромное по здешним масштабам поле пшеницы. Мы привыкли видеть маленькие клочки, а здесь оно заняло чуть ли не весь берег от реки до подножия гор. Во-вторых, дома немногие другие, у многих домов есть болохана — второй этаж. Нас ведут в один из таких домов, мы усаживаемся в болохана и слушаем рассказы мунджанцев о своей жизни. Один из стариков повествует о том, как он три месяца провел в тюрьме по обвинению в краже лазурита. Другой говорит, что волостной начальник распустил слух о том, что мы прибыли для того, чтобы сбывать похищенный на месторождении лазурит. Оказывается, полицейский опрашивает местное население о нас, выискивая что-нибудь, что бы нас могло скомпрометировать. Я-то думаю, что все это — следствие пропагандистской деятельности Карима: слухи здесь разносятся мгновенно, и то, что он говорил крестьянам в Шороне, стало алакадару очень скоро известно, возможно в тот же день.

Нас приглашают перейти в другой дом. Мы опять поднимаемся в болохану, и первое, что мне бросается в глаза, это то, что стены комнаты оклеены «Неделей» и «Комсомольской правдой».

Здесь, в сердце Гиндукуша, отгороженном многими перевалами от внешнего мира, где никто не умеет ни читать, ни писать не только по-русски, но и на своем родном языке, это кажется невероятным. И только потом я замечаю, что газеты ведут свое происхождение от советских специалистов, работавших на месторождении лазурита.

Вечером хозяева устраивают для нас небольшой концерт, играют на дамбуре и поют по-персидски: мунджанских песен не существует. Однако и то и другое они делают неумело, чувствуется, что устоявшейся музыкально-фольклорной традиции здесь нет.

*27 августа.* Утром, оставив все свои вещи в Миёнди, отправляемся вверх, в Югдаг и Паном, эти селения совсем рядом, на разных берегах реки. Забираемся на холм в долине, оттуда прекрасно видны оба селения, а внизу кладбище. Времени уже остается мало, Карим торопится на месторождение, и к обеду мы возвращаемся в Миёнди.

Остаток дня проводим в том же доме, где ночевали. В шутовском разговоре Карим говорит мне, что местные женщины очень пугливые. Словно для того, чтобы опровергнуть его слова, через некоторое время появляется хозяйка и начинает при-

служивать нам за столом. Вещь необычная и совершенно невозможная у пуштунов к югу от Гиндукуша.

Вечером, когда мы уже легли спать, приходит хозяин дома—деревенский староста и уводит с собой куда-то Карима. Я остаюсь в темноте. Через некоторое время Карим приходит обратно и говорит, что ему пытались продать семилетнюю девочку. Я спрашиваю о подробностях.

Он рассказывает мне: «Человека, у которого я был, зовут Бой-Маммад. Когда я спросил его, почему он так делает, он сказал: „Одна из моих дочерей отдана в залог парунцам. Кроме того, парунцы забрали весь скот в нашей деревне, и теперь от меня зависит, вернут они его или нет“.

„Почему?“ — спросил я.

Бой-Маммад ответил: „У меня была другая дочь, ее звали Бибимо. Жили мы в крайней нужде, и поэтому, когда несколько лет назад парунцы пришли к нам, я обещал ее им продать. Взамен они дали мне сразу же несколько коров и овец, а дочь пока осталась со мной. Скот я израсходовал на свои нужды, а через некоторое время появился какой-то пуштун с двумя сыновьями. Он сказал, что где-то в этих краях занимает пост мудира (начальника, чиновника среднего ранга). Увидел он мою дочь и говорит: „Отдай, мол, ее мне, я ее воспитаю, отдам в школу, а потом возьму ее в жены для своего сына. А я дам тебе десять тысяч рупий, ты отдай их тем парунцам, так ты с ними рассчитаешься“. Я согласился, взял у него деньги. А у нас нечего было есть, не было ни муки, ни зерна — одни долги. И мне пришлось купить на эти деньги зерна, а часть денег ушла на отдачу долгов.

Мудир увез мою дочь, а через некоторое время до меня дошел слух, что он продал ее другому афганцу, а тот еще кому-то и сейчас она в Кундузе. Я отправился разыскивать ее в Кундуз. Через несколько дней нашел ее в одном доме и увез. Когда приехал в Джурм, мудир узнал об этом, пошел к нашему пире (исмаилитскому наставнику) (он живет в Джурме) и сказал: „Я не отдам ему дочь, пока он не вернет мне мои десять тысяч“. Девушка осталась в доме у пира, а меня послали за деньгами, дескать, пока не принесешь, дочь тебе не отдадим.

Когда я вернулся к себе в деревню, то узнал, что парунцы угнали у пастуха Ильяса все деревенское стадо, сказав при этом: „Он обещал нам свою дочь. Пока он нам ее не приведет, мы скот не отдадим“.

Я снова отправился в Джурм, стал валяться в ногах у этого мудира. Пир за меня поручился, я дал расписку мудире, взял дочь и привел ее домой. Отвез парунцам и говорю им: „Вот, возьмите девушку, а скот верните“. А те отвечают: „Пока ты не привезешь нам ее свидетельство о разводе, мы тебе не отдадим ни ее, ни скот“. Сколько я их ни умолял, они не соглашались, и я вернулся ни с чем. А в Джурме мне не дадут этого свидетельства, пока я не принесу десять тысяч. А у меня нет ни

денег, ни пищи, ни одежды, мы голодаем. Вот почему я хочу продать другую свою дочь. Если я эту дочь не продам и не получу обратно у парунцев скот, то мне от односельчан жизни не будет“».

«Я, — продолжает Карим, — сказал ему, что не затем мы сюда пришли, чтобы покупать девочек, но помочь тебе я согласен: поеду вместе с тобой к пиру — может быть, он согласится заплатить твой долг, а тебе даст отсрочку. Деньги ты ему при первой возможности отдашь. „Пир на это не согласится“, — ответил Бой-Маммад.

Я уже собрался уходить, но тут мать привела девочку, надев ей платок на голову, начала плакать и умолять меня, чтобы я ее купил. Я стал ее утешать, говоря, что обязательно помогу им, пусть девочка поедет со мной в Джурм».

Эту историю, говорит Карим, я хочу записать в форме рассказа и опубликовать.

28 августа. Рано утром Хоки и Джангуль ушли в Газ. Они будут ждать нас там. Мы с Каримом встали, поели хостиков (нечто вроде коржиков), попили чаю с молоком и отправились в путь, взяв еще одну лошадь в Миёнди.

По дороге груз несколько раз разваливался, в Сарджангале хозяин одной из лошадей сбросил весь груз на землю и отправился восвояси в Миёнди, но так или иначе через некоторое время мы были в Шои Пари. Здесь мы сделали остановку, нас напоили чаем и я имел честь познакомиться с сыном «маленького шо» (то же, что и пир — исмаилитский наставник). Молодой парень, он живет здесь на полном содержании деревни и, как мне сказали, находится в обучении исмаилитским премудростям у одного из местных грамотеев. Было неприятно смотреть, как старики ему целуют руку.

Мунджанские исмаилиты — мюриды двух шо, одного из них обычно называют «маленький шо», другого — «большой шо». Сами мунджанцы о своих шо рассказывают следующее: «Раньше они жили в Читрале, находившемся в то время под властью англичан. Во время мятежа Бачаи Сакао они переселились сюда. Говорят, что по происхождению они кунарские сеиды». «Большого шо» зовут Сеид Джаллод Хусейн, он сын Сеида Ахмад-шаха, внук Сеида Ходжи Бадала; «маленького шо» зовут Сеид Хорезм-шах (?), он сын Сеида Дари-шаха, внук Сеида Махмуд-шаха, правнук Сеида Ходжи Бадала. Раньше резиденцией шо было маленькое селение Калаи Шо, между Миёнди и Тли (туда мы не дошли). Но нынешнее правительство переселило их за пределы долины, в Куран, где «маленький шо» и живет поныне в кишлаке Рабат, по словам мунджанцев; «большой шо» живет в Джурме, это тот самый пир, о котором рассказывали Кариму.

Часам к четырем приходим в Вилу. Здесь, к нашему удивлению, встречать нас выходит много народу. Они уговаривают нас остаться на ночь у них в селении. Мы соглашаемся.

И вот мы сидим в болохане, совсем непохожей на ту, что была в Миёнди. Неправильной формы, с двумя квадратными отверстиями — окнами в стенах, с прямоугольным проемом вместо двери. Собралось много народу, чуть ли не все старики селения. После приветствий, адресованных в основном Кариму, начинается разговор о лекарствах. У всех что-нибудь да болит, и все верят в то, что у нас есть лекарства от всех болезней. Все действительно больны, но самый тяжелый больной — пятилетний ребенок, до невозможности худой, с утолщениями суставов на тонких руках и ногах. На руке огромная язва. Не понимаю, что с ним... Маленький старичок, с печальным и серьезным выражением лица, на котором за все время не появилось даже подобия улыбки.

Я изо всех сил в самых энергичных выражениях пропагандирую употребление шиповника и черной смородины, благо их сколько угодно. Но конечно, не только в них дело...

Потом разговор опять заходит о местных кровопийцах — Гариб-Ахмаде и Таджмаммаде из Анджумана, кладовщике лазуритовой партии, у которого мы были в гостях в Разэрэ, и других. Насколько я понимаю, ситуация в Анджумане резко отличается от мунджанской. Тамошние таджики не употребляют опиума, и люди живут немного лучше, некоторые за счет эксплуатации мунджанцев. Жители Анджумана — не исмаилиты. Им уже поэтому легче. А мунджанцы — под тройным гнетом: правительства, собственных шо, ростовщиков из Анджумана.

Один из стариков просит нас устроить вечером для публики развлечение. Оно должно состоять в том, что я буду заводить магнитофонные записи песен и рассказов, которые я сделал в Мунджане.

Вечером «тамаша» состоялась. Все с удовольствием слушали мои магнитофонные записи. Потом рассказали мне три рассказа. Один старик рассказал, как добывали лазурит в старое время, другой, как служил в армии. И еще один рассказ — об охоте. В это время Карим расспрашивает присутствующего здесь дервиша о подробностях родословной шахов Мунджана.

29 августа. Просим у дервиша лошадь, но тот требует слишком высокую цену. Я иду пешком.

Между Дашком и Шороном нас все-таки настигает некий человек с лошадью из Вилу. Недалеко от Шорона я сажусь на лошадь. В Шороне короткая остановка — пробуем найти седло, но безуспешно. Зато исчезает Хоки с моей сумкой и курткой. У моста через Вильф останавливаемся, ждем Хоки. Подходит Хоки, и все уезжают вперед, а мы с Джангулем помаленьку движемся сзади.

Обратный путь через перевал проходим (или это только кажется?) гораздо быстрее. И усталости той нет, и времени затрачиваем меньше, и пить не так хочется.

Часам к трем подъезжаем к Сэквоу — волостному управлению. Алакадар там. Пьем чай, Карим рассказывает начальнику

о появлении полицейского, шедшего по нашим следам. Алакадар и ухом не ведет.

Переправляемся вброд через Мунджан. Брод очень длинный. На ночь опять останавливаемся у кладовщика Каюма, который вечером устраивает для нас обильное угощение. После Мунджана дворец кладовщика кажется особенно роскошным.

*30 августа.* Поев меду и попив чаю, выезжаем. Вскоре мы в Парваре. Парваринцы ведут с нами льстивые разговоры, хотя понравиться Кариму: от него действительно многое зависит на руднике.

В четыре часа тридцать минут мы переезжаем по мостику на рудник. Путешествие в Мунджан окончено. На руднике много нового. Прибыл из Кабула начальник лазуритовой партии со свитой — человек пять-шесть. Все они расположились в той комнате, где мы были раньше вдвоем с Каримом.

Вечером, засыпая, слышу разговор обо мне. Начальника партии очень интересует, что я за человек и зачем ходил в Мунджан, он расспрашивает об этом Карима. Карим говорит все, как есть, но, кажется, начальник не вполне удовлетворен.

*31 августа.* Раннее утро. Комната на месторождении, все уже ушли на работу. Глинобитные небеленые стены. Пол застлан грубыми паласами. Посредине — кошма. По стенам пять раскладушек. Направо от двери в стене ниша, там лежат всякие мелочи. На противоположной стене два небольших окна, слева большое окно. Во всех окнах вместо стекол пластик — полиэтилен. В углу стол, на столе телефон. Только не такой, к какому мы привыкли. Здесь маленькая телефонная станция. Когда звонят снизу, из Хазрат-Саида, например, навверх в Сэквоу, то сначала звонок раздается у нас, а мы уже соединяем линию с Сэквоу.

Выхожу на улицу. Вокруг горы, скалы, дикие, неприступные. На юг долина покрыта кустами ивы и ольхи, на север теснина. Если смотреть вдоль ущелья Сари-Санг, то видны снежные пики. Где-то там берет начало р. Сари-Санг.

Синеватые (от примеси лазурита) свалы и черные точки на скале. Это устья штолен № 2 и 4. Немного выше по течению, ближе к зарослям ивы и ольхи, — каменные лачуги рабочих. Вот сейчас все они собрались перед нашим домиком. Домик — буквой «П», напротив нашей комнаты — другая, там сейчас им выдают жалованье.

Солнце только появляется из-за гор, запирающих сверху ущелье Сари-Санг. Лучи его уже видны, и верх скал на противоположном берегу светится розовым светом.

Я сижу в маленьком садике возле дома. Журчит вода в ручейке, прохладно.

Мне грустно: ведь завтра я уйду отсюда навсегда.